

References

1. Dmitriyeva I. A. Metaphor as a way of cognition: logical-gnoseological status: abstract dissert... cand. philosoph. sciences. – Yakutsk, 2000. – 24 p.
2. National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru> (Accessed: 28.10.2023).
3. Revutskaya E. A. On the problem of assessing the creativity of poetic metaphor // From word to discourse: diversity of forms and (un)predictability of meanings: Proceedings of the International Scientific Conf., Minsk, 2023, May 12–13 In L. M. Leshcheva (ed.). – Minsk: MSLU, 2023. – P. 158–160.
4. Solovyova T. Lena Eltang: “I chose this topic because it makes me angry” // Prochteniyе. 18.05.2022. URL: <https://prochtenie.org/texts/30909> (accessed: 28.10.2023).
5. Gibbs R. W. The poetics of mind: Figurative thought, language, and understanding. – Cambridge, 1994. – Cambridge Univ. Press. – 527 p.
6. Lakoff G., Johnson M. The metaphorical structure of the human conceptual system // Cognitive science. 1980. Vol. 4 (2). – P. 195–208.
7. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1989. – 237 p.
8. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought: In A. Ortony (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
9. Lévi-Strauss C. Anthropologie structurale. – Paris: Plon, 1958. – 452 p.
10. MetaNet. URL: <https://metaphor.icsi.berkeley.edu/pub/en/index.php/Category:Metaphor> (Accessed: 28.10.2023).
11. Pragglejazz group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor and Symbol. 2007. Vol. 22 (1). – P. 1–39.
12. Rasse C., Onysko A., Citron F. M. M. Conceptual Metaphors in Poetry Interpretation: A Psycholinguistic Approach // Language and Cognition. 2020. Vol. 12 (2). – P. 310–342.
13. Rasse C. Poetic Metaphors: Creativity and Interpretation. – Amsterdam: John Benjamins, 2022. – 190 p.
14. Reijnierse W. G., Burgers C. MSDIP: A Method for Coding Source Domains in Metaphor Analysis // Metaphor and Symbol. 2023. Vol. 38 (4). – P. 295–310.

УДК 81'42

ОЗНАЧАЮЩЕЕ И ОЗНАЧАЕМОЕ В СВЕТЕ ПСИХОАНАЛИЗА ЖАКА ЛАКАНА

Седых Аркадий Петрович

д. филол. н., профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Московский международный университет

Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова

Белгород, Россия sedykh@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>

Аннотация

На фоне усугубляющегося кризиса, связанного с негативным воздействием глобализации на все жизнепроявления человеческой деятельности, представляется конструктивной идея интеграции достижений психоанализа и семиотики. Подобная синергия вносит вклад не только в обновление психоаналитической эмпирики, но выводит психоанализ на уровень психолингвистической перестройки терминологического аппарата общей гуманитаристики и философии языка. Рассматривается лингвосемиотический аспект механизмов человеческого сознания и его роль в формировании обновлённых нарративных репрезентаций. Используется методология лингвосемиотического анализа и гибридной дескрипции. Намечаются перспективы дальнейших исследований когнитивно-коммуникативной триады языка, мышления и коммуникации.

Ключевые слова: психоанализ, структура языкового знака, лингвосомиология Жака Лакана, язык, мышление, коммуникация.

THE SIGNIFICANT AND THE SIGNIFIED IN THE LIGHT OF JACQUES LACAN'S PSYCHOANALYSIS

Arkadiy SEDYKH

doctor of philological sciences, professor
Belgorod State National Research University

Moscow International University

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

Belgorod, Russia sedykh@bsu.edu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>

Abstract

Against the backdrop of a worsening crisis associated with the negative impact of globalization on all life manifestations of human activity, the idea of integrating the achievements of psychoanalysis and semiotics seems constructive. Such synergy contributes not only to the renewal of psychoanalytic empirics, but also brings psychoanalysis to the level of psycholinguistic restructuring of the terminological apparatus of general humanities and philosophy of language. The linguosemiotic aspect of the mechanisms of human consciousness and its role in the formation of updated narrative representations is considered. The methodology of linguosemiotic analysis and hybrid description is used. Prospects for further research into the cognitive-communicative triad of language, thinking and communication are outlined.

Keywords: psychoanalysis, structure of the linguistic sign, linguosemiology of Jacques Lacan, language, thinking, communication.

Введение

Ключевым феноменом современной гуманитаристики, в частности языкознания, является интеграция дисциплин в единый эпистемологический кластер. Перспективным с точки зрения обновления методологии анализа языкового материала выступает синергия лингвистики и психоанализа. В этом ракурсе лаканизм, как психоаналитический подход, разработанный Жаком Лаканом на основе работ Зигмунда Фрейда, указывает на важность использования языка и лингвистических структур для объяснения функционирования бессознательного.

Центральным понятием лаканизма является «зеркальная стадия» (*stade du miroir*), описывающая формирование идентичности ребенка через его отраженный образ. Этот шаг имеет решающее значение для понимания взаимосвязи между *желанием*, *нехваткой* («влечением» у Фрейда) и *идентификацией* (*désir, manque et identification*) [Седых 2022].

Ключевые концепции лаканизма также включают три фундаментальных регистра: *Символическое* (*Le Symbolique*), *Воображаемое* (*L'Imaginaire*) и *Реальное* (*Le Réel*). Эти регистры взаимодействуют, формируя психологические комплексы человека и влияя на наше восприятие реальности.

Наконец, лаканизм обращается к вопросам любви, секса и желания, подчеркивая их символическое измерение и подчеркивая важность мифов и культурных репрезентаций в структурировании этого опыта.

Важным элементом лакановских идей является языковое измерение бессознательного, которое согласно знаменитому тезису Жака Лакана «структурировано как язык» (*structuré comme un langage*). Иными словами, бессознательные инстанции имеют свою систему времён, синтаксис и дискурс, который предстаёт как глобальный результат субъективных признаков личности [Laplanche, Pontalis 2007].

Лаканизм позволяет нам по-новому взглянуть на психоанализ, постулируя язык как основу нашего бессознательного. Чтобы понять лаканизм, мы должны согласиться принять сложность человеческого языка и признать, что наша идентичность глубоко связана с

нашим дискурсом. Жак Лакан утверждает, и мы разделяем его мнение, что слова — это инструменты, позволяющие раскрыть наши скрытые желания и расшифровать механизмы, управляющие нашей психикой [Ibid.].

Актуальность исследования видится в конструктивной перспективности обновления методов анализа художественного текста с привлечением психоаналитических данных, в частности применении авторской методологии триадного психолингвистического построения образа и его фиксации при помощи метонимического смещения.

Обсуждения и результаты

Современную лингвистику невозможно представить без традиционных категорий «означающее» (*signifiant*) и «означаемое» (*signifié*), введённых в начале прошлого века Фердинандом де Соссюром. Данные категории имеют специфическое преломление в рамках психоаналитических построений, в частности в концепции французского психоаналитика, философа и психиатра Жака Мари Эмиля Лакана (1901-1981). Несмотря на то, что воззрения Лакана были сформированы в двадцатом веке, они остаются высоко **актуальными** не только в психоанализе, но обладают непреходящей ценностью для активно развивающейся когнитивно-коммуникативной персонологии, исследовательским целеполаганием которой является построение комплексной теории языковой личности.

Для нас представляет особый интерес лакановская триада, структурирующая языковое сознание индивида: **символ, образ, реальность**. Когда Жак Лакан подхватывает мысль Клода Леви-Стросса об уподоблении *бессознательного* и *символического*, это представляет собой, очевидно, как он сам указал в 1953 году в Учёных записках Французского общества психоанализа, «определенное направление в изучения психоанализа» (*une certaine orientation d'étude de la psychanalyse*) [Lacan, 1953, p. 413.]

Рождение символического

Речь

Приблизительно в 1950 году Жак Лакан заинтересовался работами Хайдеггера о речи и принял определенные точки зрения. В 1955 году он отправился во Фрайбург, чтобы встретиться с философом, и перевел текст «логос», который представляет собой комментарий к 50-му фрагменту Гераклита, где мы можем понять (через расстояние и различные интерпретации/переводы), что речь идет о «слушании логоса», а не того, кто говорит [Héraclite, Fragments, Findakly, 1990]. Термин «логос» можно перевести двояко, как «разум», так и «речь». Именно этот последний термин сохранил Хайдеггер. Он делает это путем онтологического подхода, утверждая мысль о том, что «речь говорит о бытии» [Heidegger, 1976, p. 13 et 15.].

Остановимся на нескольких позициях из другого хайдеггеровского текста о речи («Die Sprache»): «Это действительно речь, которая делает человека способным быть тем живым человеком, которым он является как человек. Человек есть человек постольку, поскольку он тот, кто говорит». У Хайдеггера наблюдается метафизическое истощение речи. Мы не можем «найти слово из чего-то другого, кроме него самого», оно обнаруживается в опыте его применения, опыте, который состоит не в том, чтобы что-то сказать, а в том, чтобы «произнести слово», чтобы обеспечить его автономное применение и «найти своё пристанище» [Ibid.].

Для Жака Лакана, вдохновленного этим подходом, «у психоанализа есть только одно средство: слова пациента» [Lacan, J. Écrits, Paris, Le Seuil, 1966, с. 247]. В этом смысле лечение становится реализацией слова благодаря интерпретации, символизирующей некий образ. Действительно, в фантазии, сне воображаемый элемент имеет для человека лишь символическое значение, то есть проявляется в знаках-символах, специфически организованных в речи. Из-за этого акцента на роли речи в психоанализе возникает вопрос о достижении полной и истинной речи: «Полное слово – это то, что образует истину» [Lacan, J. Séminaire I, Paris, Le Seuil, 1975, p. 125.]. Слово позволяет установить связь с бытием, оно раскрывает, алетейю (откровение). Это откровение «является высшим

источником того, что мы ищем в анализе» [Ibid. с. 59]. Как видим, Лакан пытается полностью поместить психоанализ в «поле речи и языка». Тогда трансфер оказывается препятствием на пути к раскрытию истины. Это важная модификация по сравнению с концепцией Фрейда. Она утверждает, что бытие (мышление) человека связано с языком, и, по сути дела, структурировано как язык.

Символ

Идея символа рассматривается в начале исследований Лакана в довольно традиционном ключе. Учёный признает, что симптом является символом конфликта и что компоненты сновидения символизируют нечто иное, чем они сами. В 1949 году Лакан связал символическую эффективность с понятием «имаго» [Lacan, J. *Le stade du miroir, Écrits*, 1966, p. 95.], то есть к тому, что относится к порядку образа и идентификации. Например, ритуальные дары, которые имеют место во всех культурах, являются символическими, поскольку они имеют значение заключаемого договора. Жак Лакан отмечает, что символические объекты нельзя просто отнести к практическому использованию. *От символа к языку один шаг*. Символ находится в состоянии коррелятивной преемственности с языком. Символ превращается в слово, когда освобождается от случайности слишком сильной материальности и с ним связывается постоянство смысла, понятия. Так рождается «вселенная смыслов» [Ibid., с. 276.]

Лакан предлагает нам, опираясь на слова, первый интуитивный подход к символическому порядку: символическое возникает, когда мы должны заявить о себе, сделать выбор, взять на себя обязательства, дать слово. Эти возможности позволяют больше, чем другие, воплотить в жизнь это конкретное измерение внутри себя. Это новая концепция символического. Это придает ему автономию, гораздо большее значение, связывает его с языком и, в частности, с актом речи: «Символ составляет человеческую реальность» <...> «Человек говорит... потому что символ сделал его человеком» [Lacan, J. *Écrits*, 1966, с. 276].

Символическое создает человека в противовес животному существу, которое всецело занято «воображаемыми» процессами и биологической необходимостью. Лакан считает, что он «заново открыл в человеке **императив вербальности как закон**, формирующий личность по образу речи» [Ibid., с. 322]. Затем психоаналитик снова опирается на гипотезу Леви-Стросса о символической вселенной, регулируемой своими структурами, и которая конституирует человека в самом его существе. Символическое как структура формирует и устанавливает человеческую реальность. В отношении супружеского союза, как и в отношении языка, закон «императивен по своим формам, но бессознателен по своей структуре» [Ibid.].

Человек приходит к интеграции в символику, и именно это организует переход от природы к культуре. Использование этнологических данных эксплицитно: «Если на самом деле сверхбильные дары приветствуют заявившего о себе незнакомца, то жизнь естественных групп, составляющих сообщество, подчиняется правилам брачного союза, определяющим направление, в котором происходит обмен женщинами, и взаимному обмену женщинами, а также выгодой, которые определяет супружеский альянс. Над браком доминирует преференциальный порядок, закон которого, включающий имена родства, является для группы, как и язык, императивным по своим формам, но бессознательным по своей структуре» [Lacan, J. *Écrits*, 1966, с. 276]

Гипотезы Леви-Стросса о системе, общей для социальных правил и языка, принимаются в утвердительной форме, и Лакан применяет эту систему к фрейдистскому бессознательному. Таким образом, Леви-Стросс, предполагая участие структур языка и той части социальных законов, которая регулирует союз и родство, завоевывает ту самую почву, где Фрейд устанавливает бессознательное [Lévi-Strauss, 1961]

Случай с одним из пациентов, которого лечила Мелани Кляйн, рассматривается и интерпретируется Жаком Лаканом с этой точки зрения. По мнению Лакана, Мелани Кляйн посредством языка обеспечивает ядро символизации благодаря «лингвистическому

нарративу» Эдипа [Седых 2016]. Оставим пока Эдипову проблему и сосредоточимся на символическом. Речь обеспечивает эффективные отношения между матерью и ребенком посредством существования заранее установленной символической системы. Для Жака Лакана это конститутивное бессознательное, которое «является дискурсом другого» [Lacan, 1975, p. 100].

Как видим совместное обращение к бессознательному, мифу, языку и предустановленной символической системе является приложением к психоанализу структурной антропологии. Бессознательное становится символом (системой/функцией), упомянутым Леви-Строссом. Субъект через речь здесь координирует свою деятельность, но система существует вне субъекта, она наиндивидуальна, структура внешняя по отношению к личности и определяющая ее [Седых, 2011]

В этот состоит новаторский момент, когда символическое, как это знаковая система, в которую погружен человек, формирует бессознательное или даже образ Другого. Речь идет об ассимиляции бессознательного и символического, как это формулирует структурная антропология. Отсюда и выражения «сокровище означающих», где мы находим идею конституированного целого, масштабного и предсуществующего в структуре личности индивида вне зависимости от осознания этой инстанции. На генетическом уровне означающее берет на себя проблему первоначального обращения ребенка к матери и указывает на то, что это вход в символический мир. В определенном смысле утверждается, что именно символическое с его коллективным характером является определяющим по отношению к индивидуальному опыту и психогенезу [Седых, 2011].

Последующие модификации концепции

Означающее

С 1954 года Лакан стремится по-новому интерпретировать символическое через означающее. Как известно, данное направление вдохновлено работами Фердинанда де Соссюра, который предлагает рассматривать язык как систему и предлагает теорию знака, соединяющую концепт с акустическим образом. Концепт или понятие-сигнификат он называет *означаемым*, а акустический образ — *означающим* [Соссюр, 1970]

Лакан также опирается на идеи на Романа Jakobsona, который пытается применить структурный подход к языкам. В качестве ориентира исследователи часто берут лингвистическое учение Соссюра, но в отличие от него Лакан предполагает независимость *означающего* и *означаемого* и настаивает на их дизъюнкции (см. функция означающего в лингвистике). В этом смысле *означающее преобладает* над *означаемым*, навязывая последнему свои законы номинации. Отношение человека к символическому становится отношением человека к означающему [Ibid.]. Как видим, отсылка к Соссюру модифицируется, и означающее из акустического элемента, неотделимого от означаемого, становится элементом языка «материальной природы» или даже «буквой», то есть «эта материальная опора, которую конкретный дискурс заимствует у языка» [Jakobson, 1973, p. 44].

Напомним, что Фердинанд де Соссюр уточняет, что знак должен быть «осязаем». Это говорит о попытке найти материальную основу для символической структуры и бессознательного, доводя свою мысль до парадокса: «Чем больше оно (*signifiant*) ничего не значит, тем более неразруσιμο это означающее (*signifiant*)» [Lacan, 1981, p. 210].

Эта ориентация на неустранимость означающего еще больше подчеркивается ссылкой на кибернетику примерно в 1954 году. На своем семинаре Лакан иллюстрирует символическое через ряд чисел в компьютерном языке и синтаксические отношения, которые их связывают. Следовательно, символ может быть воплощен в машине. Смысл очевиден, и между формальными элементами существуют лишь отношения. Постепенно радикализируя свои замечания, Лакан приходит к отказу от смысла. Язык становится «бессмысленным». Мы видим оттеснение смысла и мысли на второй план, которое достигает максимума в разработках в области «машины», то есть роботов. Кибернетическая машина отождествляется со структурой, оторванной от деятельности субъекта, так что «символическое – это мир машины» [Lacan, 1953, p. 33].

Из этого сравнения следует, что «если машина не думает, то ясно, что мы сами не думаем» [Ibid.]. Таким образом, символическое сводится к кодовым явлениям, которые всегда актуализируются посредством материальной поддержки в вычислениях. Существует автономия и главенство означающего. *Означающее* становится «дискретным» элементом в математическом смысле, то есть индивидуализированным, неделимым, характеризующимся своим присутствием или отсутствием компонентом знака.

Примерно в 1955–1956 годах во время семинара по психозу Лакан был вынужден бросить вызов двум традиционным столпам психоанализа: идее психогенеза и идее фундаментально инстинктивного бессознательного. Действительно, если именно символическая структура конституирует субъект, то это может быть сделано только сразу, и не существует прогрессивного генезиса психики во взаимодействии с другим. Если именно система *означающих* образует бессознательное, то она не сформирована инстинктивной организацией в смысле психической энергии, исходящей из биологического и организованной в фантазии. Это можно резюмировать формулой: Психогенеза не существует, поскольку бессознательное состоит из значимой структуры [Lacan, *Écrits*, 1966, p. 575.].

Наконец, содержание бессознательного конституируется *означающими*, что заставляет Лакана по-новому интерпретировать «смещение» и «конденсацию» в терминах метонимии и метафоры. В результате получается фонематическая формула бессознательного. Идея фонематической цепочки была предложена в «Инстанция буквы в бессознательном» (*L'instance de la lettre dans l'inconscient*) [Ibid. pp. 501, 510, 518]. Более того, речь здесь идет о наиболее материальном аспекте, а именно о **печати** символов. Доведение до максимума гипотезы об *означающем* приводит к предположению, что фонематическая цепочка означающих порождает желание субъекта и составляет его бессознательное. Концепт становится гораздо более гибким, охватывая элементы, более крупные, чем простые морфемы, и более обширные означаемые. Но идея примата означающего, «чистого означающего» сохраняется. Примерно в 1973 году, вероятно, под влиянием Якобсона, означаемое вновь приобрело значение в глазах Лакана. «Означающее – это прежде всего то, что имеет *означающее воздействие*» [Jakobson, 1973, p. 55]. Речь идёт о цепочке означаемых, присутствующих «в бессознательном» и отсылающих друг к другу. Часто повторяемая формула, служащая определением, становится «означающее – это то, что представляет предмет для другого означающего». В результате природа означающего становится относительно индифферентной, на первый план выходит его функция и акцент делается на отношении *означающих друг к другу* [Седых, 2022].

Ресимволизация

В годы, последовавшие за редукцией понятийного аппарата (1950 г.), происходит расширение эпистемологической базы лаканизма. Исследователи говорят о существовании невербальных (виртуальных) *означающих*, при этом многие объекты (актанты) становятся *означающими*. Так, отметим, что с 1954 по 1965 годы «частичные объекты» Мелани Кляйн — фаллос, женщина, отец — квалифицировались как *означающие*. Еще есть «кнут» и «волки», видимые через окно. Это галлюцинации Человека-Волка, которые играют роль первичного и изначально вытесненного *означающего*. В этих случаях они являются образами и в результате *означающее* соответствует тому, что обычно называют символом [Lacan, *Séminaire XI*, 1973, p. 226-227].

Признавая проблему, Лакан вспоминает относительно фаллоса, что он рассматривается не как форма, а как «означающее», одновременно утверждая, что это «символ» желаний, что показывает, что невербальное «означающее» типа фаллоса является символом. Несомненно, фаллос — это не фонема и даже не слово. Оно соответствует тому, что классическая психоаналитическая традиция определяет как символ. Лакан также говорит о нем как о «воображаемом объекте» [Lacan, *Séminaire V*, 1998, p. 225]. Разве это не то, что точно характеризует символ, будучи отчасти воображаемым? Лакан не может получить свою идею из лингвистического означающего, и значение термина расширяется.

Он также обозначает то, что Фрейд называет репрезентациями вещей, но, чтобы сохранить логику системы, Лакан продолжает использовать термин «означающее».

В отношении категории «фаллос» всегда можно найти подтверждение того, что это *означающее*, которое для субъекта *означает/производит* его желание. Внезапно природа означающего становится безразличной, берет верх его функция, и акцент делается на отношении *означающих* друг к другу. Эти отношения подразумевают структурный эффект и заставляют *означающее* смещаться в сторону символа. Структурная комбинация – это комбинация *означающего/символа*, которая производит Закон, изменяющий человеческую природу. Прочитируем предложение, которое суммирует все вышеприведенное: «Клод Леви-Стросс, несомненно, подтверждает в своем мастерском исследовании изначальный характер Закона как такового, а именно введение означающего и его комбинаторики в человеческую природу, регулируемую законом. Организация обменов, которые он описывает как элементарные структуры... тем самым создавая новое измерение наряду с наследственностью» посредством законов брака [Lacan, J. Séminaire VII, 1986, p. 82.]

Впоследствии Лакан отойдет от ориентации на *означающее* и обратится к топологии и логицизму, выходящим за рамки нашего изложения.

Критика означающего

Противоречия означающего

Поскольку символическое связано с означающим, должно хотя бы кратко подвергнуть сомнению эту концепцию. Заниматься поиском основной составляющей символического, поскольку она оказывает воздействие на бессознательное, вполне допустимо. Поиск элементарного – это также постоянный подход к знаниям во всех областях. Но это имеет последствия, которые здесь оказываются противоречивыми, поскольку меняется определение *означающего*. Лакан расширяет использование этого термина таким образом, что этот лингвистический элемент становится символом, а затем приближается к изображению вещи или даже к математическому символу. Ясно, что *означающее* не может быть всеми этими категориями одновременно.

Следует отметить, что в самом центральном смысле лакановское *означающее* является лингвистическим. В этом смысле оно иногда уподобляется *акустическим образам* Соссюра (*интериоризированным*), иногда акцент делается на конкретном, материальном характере (что соответствует обновленной звуковой или визуальной форме). Конкретно-материально-реализованная форма соответствует *надписи, следу, предупреждению* [Lacan, J. Séminaire XI, Les quatre concepts fondamentaux de la...]. В результате мы обнаруживаем проблематику «репрезентации», тогда как Лакан пошел в противоположном направлении, в поисках способа, которым символическое «кует» человека.

Надо подчеркнуть, что, если мы хотим принять во внимание *означающее*, мы должны поставить себя в адекватную методологическую перспективу, а именно в концепцию *технического операционализма*. Местом существования *означающего* при его актуализации является общение и в этом случае оно предстает в своем конкретном проявлении, звуковом материале, произносимых фонемах и морфемах. Допущение, что этот материал существует в бессознательном, возвращает нас к проблеме ассоциативной психологии, которая предполагает репрезентации слов, вписанных в бессознательное.

По нашему мнению, *означающее*, «вписанный» эмпирический элемент, если оно является компонентой бессознательного, придает последнему эмпирический характер, за исключением того, что оно бессознательно, что также является противоречием. Эмпирическое по своей природе всегда сознательно воспринимаемо (если только оно не скрыто или не латентно). Мы возвращаемся к классическому противоречию, с которым столкнулся в свое время Фрейд. Лакан прекрасно осознает эту проблему, поскольку в 1964 году он написал: «Бессознательное не является видом, определяющим в психической реальности круг того, что не является атрибутом или достоинством сознания» [Lacan, J. Écrits, 1966, p. 830]. К сожалению, именно к этому приводит гипотеза бессознательного, состоящего из означающих.

Лакан, как мы видели выше, отвергнет такую интерпретацию, напомнив несколько раз, что *означающее* находится на месте Другого, иными словами, что понятие *означающего* имеет смысл в концепции структурного символизма. Но проблема постоянно возвращается, потому что его слова открывают дверь к обоснованию *означающего*. Чтобы выйти из этого тупика, некоторые, например Ален Жюранвиль, принимают «чистое означающее», которое «не имеет отношения ни к миру, ни к репрезентации» [Juranville, 1994, p. 48].

Редукция символического

Использование понятия *означающего* по отношению к *символическому* проблематично, поскольку, очевидно, снижает его. Попытка Лакана свести символическое к системе означающих была предпринята в соответствии с логической последовательностью, которая начинается с поиска дискретных элементов, затем конкретизирует их в лингвистические элементы и, наконец, отделяет их от значения. Для этого Лакан опирался на лингвистику, кибернетику и новые теории информации. Это, конечно, «минималистский» [Седых, 2011] тезис, а точнее редукция, поскольку что-то сложное сводится к простым элементам. Если придерживаться определения *означающего* как **конкретного, формального и первичного элемента** по отношению к *означаемому*, допустима ли редукция?

Чтобы судить об этом, обратимся к центральному пункту теории – Закону. Если мы возьмем запрет на инцест, являющийся следствием символического порядка, который, как мы согласны, является универсальным, его следует искать в структуре, организующей *означающие*. Предположим, что это так. Поскольку этот запрет универсален, структуры всех языков должны представлять собой общий аспект, относящийся к нему. Но это невозможно, в языках есть несводимые друг к другу структуры. Остается доказать, что эти структуры производят одинаковые эффекты у всех людей и фактически заставляют их избегать инцеста. На этом этапе рассуждений мы ясно видим, что единственным общим знаменателем между этими непреодолимо разными формами является *смысл*, который *тождественен* и всегда один и тот же: **инцест запрещен**. Из этого наблюдения мы должны сделать выводы: *новая концепция символического*, которая не останавливается на *означающем* и выдвигает на первый план мысль и ее логику, такую, которую продвигает Леви-Стросс, показала свою актуальность.

Это рассуждение никоим образом не игнорирует предполагаемые Жаком Лаканом «узловые точки» (*points de capiton*), а скорее полагает, что таких «точек» быть не может, поскольку они составляют самое символическое *sui generis*. Эту связь нельзя изобразить точками, поскольку она является центральной функцией, скорее это – *подразумевающий смысловой образ континуума*. Этот тип концепции был инициирован под термином «символическая функция» несколько забытой психологической традицией Валлона, Гийома и Пиаже. Это также точка зрения структурной лингвистики Соссюра и Якобсона. Напомним, что Фердинанд де Соссюр утверждает нераздельность *означающего и означаемого* и вторичный аспект звука. В том, что касается Романа Якобсона, то он отказывается от идеи *предшествования означающего* [Соссюр, 1970; Jakobson, 1973]. Все это говорит в пользу переоценки *семиотической функции*, которая неразрывно и взаимно связывает *означающее и означаемое*.

Чтобы до конца понять эту идею, давайте обратимся к примеру «машина», взятому Лаканом на семинаре II, суть которого сводится к следующим размышлениям: чтобы данная означающая структура производила постоянный эффект, человек должен быть такой машиной, как ткацкий станок или один из наших современных компьютеров. В этом случае мы фактически видим, что закодированная последовательность приводит к наблюдаемому поведению. Можем ли мы ассимилировать с ним человека? Помимо того, что эта ассимиляция шокирует своим упрощением, она ошибочна даже для сравнения, потому что в этом случае соотношение обратное. Машину всегда строит человек. Если кодирование управляет ходом конкретных операций, то только потому, что система

организована для этой цели. *Смысл и означаемое* здесь фактически отсутствуют, поскольку машина является материализацией человеческой мысли. Но человек сам руководит реализацией этого проекта. Для человека всегда существует *означающее*, произведенное по своим законам, по отношению к *означающему*, которое является его материализацией [Седых, 2017].

Соотношение символического и *означающих* приводит к тому, что один операциональный (эффективный) уровень исчезает в пользу другого уровня: сообщение исчезает перед кодом, мысль исчезает перед своим представлением. С теоретической точки зрения любая редукция разрушает уровень релевантности. С прагматической точки зрения происходит отрицание функции в пользу актуализированной деятельности, которая гипостазирована. Символическое не может быть отнесено к набору означающих, оно обязательно относится к мышлению, причем к мышлению, наделенному определенной логикой. Клинические исследования показывают, что именно в случаях дефицита символической функции появляются беспорядочные *означающие*; то, что мы наблюдаем при психотических декомпенсациях, которые вызывают своего рода высвобождение *означающего*. Только в этих случаях «означающее и означаемое предстают в совершенно разделенной форме» [Lacan, Séminaire III, 1981, p. 288, 289, ...], как заметил сам Лакан. Рискуя обидеть тех, кто верил в *эвристическую ценность этой гипотезы*, мы радикально оспариваем то, что символическое может быть только следствием (результатом реализации) *означающего*.

Решение проблемы, которую обдумывал Лакан, а затем от неё отказался, но которая кажется правильной, состоит в том, чтобы рассмотреть символизм, близкий к символизму Леви-Стросса. Но в этом случае *означающее* теряет свою конкретность. Оно интегрировано в систему знаков, в которую погружен человек, в мир символов, в говорящий мир [Lévi-Strauss, 1961]. Эта система существует до индивидуума (*pré-langage*) и не зависит от осознания ее человеком. Внутри этой семиотической вселенной становится более ясным «символический порядок», который исходит из абстрактной организующей мысли, след от которой еще предстоит найти. Каким образом этот «приказ» трансформирует человеческую психику? Именно над этим планируется работать, учитывая, что сначала должно подвергнуться сомнению само *означающее*, которое заставляет скорее всего снова войти в «тупик» *управляемых репрезентаций* (стереотипов) ассоциативной психологии.

Заключение

Итак, мы постарались показать, Жак Лакан обладает фундаментальной лингвокогнитивной интуицией, которая, как нам кажется, заслуживает внимания и развития. Речь идет об идее *объединения психоанализа с семиотической вселенной*, что является центральным элементом для новейшей лингвистики. Главным последствием этого является модификация парадигматических контуров, в пространстве которых психоанализ существует в культуре. Это важная переориентация, поскольку до определенного момента психоанализ скорее располагался в рамках, которые можно было бы назвать натуралистическими. Что касается категории *символического*, то оно выдвинуло на первый план репрезентации, трактуемые Зигмундом Фрейдом в эмпирическом ключе как следы *языковой* и материальной среды, иными словами, существующие в воображении индивида как ипостась отраженных импульсов.

Интеграция психоанализа в новейшую антропологию, возникшую по следам концепции Клода Леви-Стросса, кажется нам фундаментальным достижением. Это предполагает учет лингвосемиотического порядка, регулирующего человеческие отношения, который Жак Лакан подхватил и применил к психоанализу. Наш личный опыт всегда подтверждает существование семиологического уровня и его эффективность. С другой стороны, нам кажется не совсем правильным относить его только к системе *означающих*. Поэтому предлагается в качестве перспектив развития исследований модификацию концепции символического, интегрирующую тот факт, что эта сложная сущность, структурирующая психику, неразрывно связана с *семиотической функцией языка, мышления и коммуникации*.

Литература

1. Седых А.П. (2011) Коммуникативный портрет Николая Саркози // Политическая лингвистика, № 2 (36). С. 49-53.
2. Седых А.П. (2016) К вопросу об идиополитическом дискурсе В.В. Путина // Политическая лингвистика, № 1 (55). С. 35-41.
3. Седых А.П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород, «Эпицентр», 2022. 152.
4. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Просвещение, 1970. 280 с.
5. Heidegger, M. La parole // Acheminement vers la parole, Paris, Gallimard, 1976.
6. Héraclite, Fragments, Findakly, 1990.
7. Jakobson, R. Essais de linguistique générale, t. 2, Paris, Editions de Minuit, 1973.
8. Juranville, A. *Lacan et la philosophie*, Paris, Puf, 1994, p. 50-52.
9. Lacan, J. Le symbolique, l'imaginaire et le réel // Bulletin interne de l'Association française de psychanalyse, 1953.
10. Lacan, J. *Écrits*, Paris, Le Seuil, 1966.
11. Lacan, J. Le stade du miroir, *Écrits*, Paris, Le Seuil, 1966.
12. Lacan, J. *Séminaire XI, Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse*, Paris, Le Seuil, 1973.
13. Lacan, J. *Séminaire I*, Paris, Le Seuil, 1975.
14. Lacan, J. *Séminaire III*, Paris, Le Seuil, 1981.
15. Lacan, J. *Séminaire VII*, Paris, Le Seuil, 1986.
16. Lacan, J. *Séminaire V*, Paris, Le Seuil, 1998.
17. Laplanche J., Pontalis J-B. Vocabulaire de la psychanalyse. P.: PUF, 2007. 544 p.
18. Lévi-Strauss, Claude (1961) *Tristes tropiques*. New York: Criterion Books, 442.

References

1. Sedykh A.P. (2011) *Kommunikativnyj portret Nikol'ya Sarkozi* [Communicative portrait of Nicolas Sarkozy] // *Politicheskaya lingvistika*, № 2 (36). P. 49-53.
2. Sedykh A.P. (2016) *K voprosu ob idiopoliticheskom diskurse V.V. Putina* [On the issue of idiopolitical discourse of V.V. Putin] // *Political linguistics*, № 1 (55). P. 35-41.
3. Sedykh A.P. (2022) *Jazyk, kul'tura, kommunikacija: francuzskij mir (monografija)* [Language, culture, communication: the French world]. Belgorod, «Jepicentr», 152.
4. Saussure, F. *Kurs obshchej lingvistiki* [General linguistics course] // *Trudy po yazykoznaniju*. M.: Prosveshchenie, 1970. 280 p.
5. Heidegger, M. La parole // Acheminement vers la parole, Paris, Gallimard, 1976.
6. Héraclite, Fragments, Findakly, 1990.
7. Jakobson, R. Essais de linguistique générale, t. 2, Paris, Editions de Minuit, 1973.
8. Juranville, A. *Lacan et la philosophie*, Paris, Puf, 1994, p. 50-52.
9. Lacan, J. Le symbolique, l'imaginaire et le réel // Bulletin interne de l'Association française de psychanalyse, 1953.
10. Lacan, J. *Écrits*, Paris, Le Seuil, 1966.
11. Lacan, J. Le stade du miroir, *Écrits*, Paris, Le Seuil, 1966.
12. Lacan, J. *Séminaire XI, Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse*, Paris, Le Seuil, 1973.
13. Lacan, J. *Séminaire I*, Paris, Le Seuil, 1975.
14. Lacan, J. *Séminaire III*, Paris, Le Seuil, 1981.
15. Lacan, J. *Séminaire VII*, Paris, Le Seuil, 1986.
16. Lacan, J. *Séminaire V*, Paris, Le Seuil, 1998.
17. Laplanche J., Pontalis J-B. Vocabulaire de la psychanalyse. P.: PUF, 2007. 544 p.
18. Lévi-Strauss, Claude (1961) *Tristes tropiques*. New York: Criterion Books, 442.